

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Гельмут Шибель

ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

**ДНЕВНИК КОМАНДИРА
МОТОРИЗОВАННОЙ РОТЫ**

1941—1945

За линией фронта. Мемуары

Гельмут Шибель

**Война на Востоке.
Дневник командира
моторизованной роты. 1941—1945**

«Центрполиграф»

1991

УДК 94(47)"1939/1945"
ББК 63.3(2)62

Шибель Г.

Война на Востоке. Дневник командира моторизованной роты. 1941—1945 / Г. Шибель — «Центрполиграф», 1991 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5374-6

Гельмут Шибель, командир роты в составе 13-й танковой дивизии вермахта, описывает путь, пройденный им по дорогам Второй мировой войны. Это рассказ о тяжелых боях на Восточном фронте, о суровых солдатских буднях, о том, как сражались и погибали фронтовики. Его дневник – свидетельство солдата, испытавшего на себе ужасы страшной войны, но не утратившего человеческое достоинство и способность размышлять: он старается быть объективным в своих оценках, отдавая дань храбрости и благородству независимо от того, кто их проявляет: советский воин или солдат вермахта. Уверенность в победе сменяет понимание надвигающейся катастрофы, в конце повествования он с горечью произносит: «У нас украли годы юности. С нами все кончено. Скоро все рухнет, и Третьего рейха никогда не будет».

УДК 94(47)"1939/1945"

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9524-5374-6

© Шибель Г., 1991

© Центрполиграф, 1991

Содержание

1941 год	6
Переход через границу	7
Виттенау, 15 июня 1941 года	7
Под Сандомиром, 21 июня 1941 года	8
Луцк, 26 июня 1941 года	10
Ровно, 29 июня 1941 года	14
Улашановка, 8 июля 1941 года	16
Госпиталь в Люблине, 24 июля 1941 года	18
Стрелки-мотоциклисты, вперед!	21
В районе города Кременчуг, 10 августа 1941 года	21
Возле Днепра, 12 августа 1941 года	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гельмут Шибель
Война на Востоке. Дневник командира
моторизованной роты. 1941 – 1945

Моим сыновьям Фолькеру и Герноту посвящается

Helmut Schiebel

Der Krieg im Osten 1941–1945

EIN ZEITZEUGE ERZÄHLT

1941 год Авантюра

*Авантюра – это блеск, прикрывающий угрозу.
Эрнст Юнгер*

Днепропетровск!

Вот он и перед нами, этот город! Правда, еще достаточно далеко, но громадные промышленные сооружения просматриваются уже хорошо.

Днепропетровск!

Как трудно немцу произносить это слово. Когда две недели назад этот город был впервые назван в качестве важного рубежа нашего наступления, практически никто не мог правильно выговорить его название. Во время горячих дней кровопролитного рейда вдоль западного берега Днепра он постоянно вставал перед нами, словно заветная мечта, как мираж, и в конце концов мы научились бегло произносить его название не хуже настоящих русских.

Нас не оставляло чувство, будто взятие этого города является решающей исход войны задачей. Мы стояли на берегу широко раскинувшегося Днепра, несшего свои воды к Черному морю, и наблюдали на горизонте очертания Днепропетровска.

Неужели с того момента, когда мы, стрелки-мотоциклисты 43-го мотоциклетно-стрелкового батальона, покинули гостеприимные квартиры в верхнесилезском местечке Виттенау, прошло всего два месяца? Большая буква «К», начертанная белой краской на наших машинах, означала, что мы относимся к танковой группе Клейста¹. Маленький же желтый кружочек с крестом говорил о нашей принадлежности к 13-й танковой дивизии, эмблемой которой он являлся. Мы проследовали через генерал-губернаторство², Галицию³ и Украину, оставив позади себя Хрубешув⁴, Луцк, Ровно и Житомир, дойдя до ворот Киева, от которых направились на юго-восток – на Корсунь-Шевченковский, Каменку, Кременчуг и Верх-днепровск, преодолев всего за два месяца две тысячи километров. И вот перед нами возник Днепропетровск! Какой же большой путь от Виттенау до этого города нам пришлось проделать!

Однако вернемся к самому началу...

---

¹ Фон Клейст Пауль Людвиг Эвальд (1881–1954) – немецкий военачальник (с 1943 г. фельдмаршал). Умер в советском плену.

² Генерал-губернаторство – административно-территориальное образование на территории Польши, оккупированной в 1939 г. нацистской Германией. Некоторые регионы Польши, такие как Познань, Катовице, польское Поморье, были аннексированы Третьим рейхом и наименовались «рейхсгау». В состав генерал-губернаторства они не входили.

³ Галиция, или Галичина – историческая область в Восточной Европе, примерно соответствующая территории современных Ивано-Франковской, Львовской и большей части Тернопольской областей Украины и югу Подкарпатского воеводства Польши. Коренное население Галичины, молдавской Буковины и венгерского Закарпатья называло себя русинами.

⁴ Хрубешув – город в Польше, ныне входящий в Люблинское воеводство.

Переход через границу

Виттенау, 15 июня 1941 года

*О прекрасный Вестервальд!⁵
Над вершинами твоими
Только ветра холодный свист...*

Слова песни с большим жаром вырывались из двадцати двух глотков. Парни, отбивая такт сапогами с коротким голенищем, старались вовсю – получалось не очень складно, но зато громко. Это пулеметчики второй роты 43-го мотоциклетно-стрелкового батальона возвращались в места расквартирования с соревнований по пулевой стрельбе. У всех нас было прекрасное настроение.

Последние шесть недель рота располагалась в небольшом местечке Виттенау в Верхней Силезии. Условия для постоа были хорошими, служба, как говорится, – не бей лежачего, а погода – чудесной.

В тот вечер должна была состояться ротная вечеринка, и подготовка к ней вот уже несколько дней являлась темой номер один в разговорах во всем селе, причем местные жители радовались ее приближению не меньше, чем немецкие солдаты. Действо должно было происходить на постоялом дворе Петцка и предусматривало пение песен, музыку, короткие одноактные пьесы комедийного содержания с небольшим числом действующих лиц, кабаре-спектакли и, само собой, танцы, что не могло не волновать девушек Виттенау. За подготовку праздника, проявляя незаурядные организаторские способности, рьяно взялся унтер-офицер Блюменталь, и каждый готов был поклясться, что вечеринка пройдет на самом высоком уровне.

– Сегодня твой дебют в качестве актера, Эдгар! – подтрунивал над своим соседом Вилли Таперт. – Жаль, что тебя не увидят продюсеры из УФА!⁶

– Только и знаете, что зубы скалить. Вот посмотрите – постановка пройдет с большим успехом. Тот, кто увидит меня в роли официанта-убийцы, больше не осмелится выходить ночью на улицу.

– Дружище, смотри, как бы после твоего выступления тебе не пришлось скрываться от людей! – вмешался я в разговор своих приятелей.

Мы трое познакомились на курсах кандидатов в офицеры и стали закадычными друзьями. В роте старались держаться вместе и были, что называется, не разлей вода. Этого настоятельно требовали и сами обстоятельства, поскольку так нам легче удавалось переносить непростое отношение многих унтер-офицеров и фельдфебелей к кандидатам в офицеры.

Позади отделения пулеметчиков на некотором отдалении шествовало командование взвода: лейтенант Никель, обер-фельдфебель Хильски и фельдфебель Хаусман. Сразу стоит отметить, что за Хильски прочно закрепилась слава «пожирателя» кандидатов в офицеры. Он был великолепным командиром, которого отличала уверенность в себе, энергичность, храбрость, граничащая с безрассудством, и строгость, острая как бритва. Если простой солдат допускал какой-либо промах, то ему приходилось несладко, но горе, когда на его месте оказывался кандидат в офицеры. Хильски разделялся с бедолагой так, что даже собака не стала бы грызть оставшиеся от него кости. Но в одном можно было быть уверенным – больше такой проступок он не совершит никогда.

---

⁵ Вестервальд – название восточной нижнерейнской горной местности.

⁶ УФА (нем. UFA) – киностудия, основанная в 1917 г. из нескольких мелких кинокомпаний в Бабельсберге. Закрыта в 1945 г.

– Разговорчики в строю! – послышался сзади голос обер-фельдфебеля Хильски. – Кто там болтает, словно прачки? А, да это кандидаты в офицеры! Конечно, кто ж еще? Лучше бы спели весьма приличную песню «Ночь темна»!

Мы с ухмылкой переглянулись. Судя по всему, хорошее настроение передалось и Хильски. Песню моряка, повествующую о темной ночи, мы привезли с собой с курсов кандидатов в офицеры, и нам поручили разучить ее с нашими сослуживцами. Теперь она стала визитной карточкой роты.

– Песню запевай! – раздалась команда спереди, и тяжелые пулеметы были одновременно переложены с правого плеча на левое.

– «Но-очь»... три-четыре! – задал тональность Эдгар Зыха, мечтавший стать актером.

– «Ночь темна, небо покрыла мгла...» – подхватили солдаты в колонне.

Колонна с песней вошла в Виттенау и остановилась на сельской площади. Лейтенант Никель распустил нас по местам расквартирования, и я направился к дому, в котором проживало семейство Штайгер. Несмотря на свою бедность, эти люди буквально по глазам угадывали мои желания и стремились их исполнить. Стоило мне войти в большую комнату, как на столе возникло блюдо с домашними пирогами. Поставив в угол пулемет и стянув с себя гимнастерку, я умылся над тазом и принялся их уплетать.

За шесть недель до описываемых событий 13-я танковая дивизия, в состав которой входил наш 43-й мотоциклетно-стрелковый батальон, находилась еще в Бухаресте. Дивизия помогала маршалу Антонеску⁷ в подавлении мятежа «Железной гвардии»⁸, после чего ее по железной дороге перебросили в Верхнюю Силезию. Мы проследовали через отроги Карпат, венгерский город Пасто и прибыли в Виттенау.

«Интересно, для чего эти передвижения?» – думали мы тогда, но ответа так и не получили.

Ясно было только одно – готовилось что-то очень серьезное. Но тогда мы воспринимали все происходящее с нами как одно большое приключение.

Под Сандомиром, 21 июня 1941 года

Расположившись в вечерних сумерках возле своих четырехместных палаток, мы затеяли ожесточенный спор. С длинной речью выступил мой водитель мотоцикла Рулл, которого все называли не иначе как Этте.

– Все ваши утверждения – полная чушь, – заявил он. – Поверьте мне, это не что иное, как большие маневры. В противном случае против кого мы должны выступить?

– А ведь Этте прав. У нас все-таки с русскими договор, – поддержал Рулл а старший стрелок Пшибыльский, бывший у меня вторым стрелком и прикрывавший во время езды нашего водителя сзади.

Его говор с головой выдавал в нем выходца из Верхней Силезии.

– Так-то оно так, но если не русские, то тогда кто? – подал голос низкорослый ефрейтор Хеллер.

Мне тоже захотелось высказать свое мнение:

– Насколько можно судить, в последние три дня мы двигались на восток вместе с тремя, а то и четырьмя дивизиями. Даю голову на отсечение, что это не учения.

---

⁷ Антонеску Йон Виктор (1882–1946) – румынский государственный и военный деятель. Маршал, премьер-министр и кондукэтор (аналог фюрера или дуче) Румынии в 1940–1944 гг. Расстрелян по приговору Первого румынского народного трибунала.

⁸ «Железная гвардия» – румынское движение и одноименная ультраправая политическая партия, действовавшая в Румынии с 1927 по 1941 г.

На некоторое время все замолчали, и я подумал, что будет жалко расставаться со столь гостеприимными жителями Виттенау. Мне вспомнилось, как на марше к нашей роте со всех сторон присоединялись все новые и новые подразделения, объединяясь в гигантскую войсковую колонну.

– Мой родственник из Берлина написал, что в партийном еженедельнике «Рейх» появилась статья Геббельса «Крит – тренировка перед Англией?», – решил я задать тон разговору. – Интересно, что сразу же после выхода весь тираж газеты был конфискован. Похоже, влияние Геббельса заметно снизилось, и в политическом отношении он стал превращаться в карлика!

(Теперь со всей очевидностью можно утверждать, что трюк с тиражом являлся отвлекающим маневром.)

– Нашел чему удивляться, ведь Геббельс, как сейчас принято говорить, действительно является «сморщенным немцем»⁹, – заметил Рулл и громко расхохотался.

Рулл относился к разряду людей, которые громче всех смеются над собственными, пусть и не очень удачными, остротами.

– И что из этого следует? – поинтересовался Антон Антек, который ничего не понял из сказанного нами.

– Антек, дружище, как можно быть таким бестолковым? – начал кипятиться Эtte Рулл. – Ясно ведь, что Йозька выболтал нечто такое, что составляет государственную тайну.

– Да, но Англия находится все же на западе, а мы маршируем в восточном направлении, – задумчиво произнес Хеллер.

– Хочу напомнить о последних слухах о Кавказе, – попытался я найти разумное объяснение складывающейся ситуации. – Русские, видимо, согласились пропустить нас через свою территорию с тем, чтобы мы смогли добраться до Кавказа, а оттуда направиться в Египет. Роммель¹⁰ же выдвинется нам навстречу!

– Ух ты! Вот это было бы настоящим делом! – воодушевился Рулл. – Так мы смогли бы схватить англичан за горло за пределами их проклятого острова.

Мы, основываясь на бродивших слухах и домыслах, еще некоторое время продолжили обмен различными предположениями, рассматривая возможности, от которых кружилась голова. Наконец все разошлись по своим палаткам, а Эtte первым заступил на пост по охране нашего расположения.

На последнее дежурство меня разбудил Хеллер. Я сладко зевнул и несколько раз похлопал себя руками, чтобы немного согреться и размяться. В это время раздался гул моторов, и в небе прямо над нашими головами в предзвездных сумерках поплыли тени самолетов, летевших на восток.

– Ого, куда это они? – удивленно спросил я.

– Видимо, началось что-то серьезное, – предположил Хеллер. – Это уже вторая эскадра, пролетающая над нами.

Через полчаса на востоке послышался грохот. Между тем совсем рассвело, и мы смогли отчетливо различить типы самолетов, возвращавшихся после бомбежки эскадр, – то были «Юнкерсы» Ю-88. Вскоре с запада начали надвигаться тяжелые бомбардировщики Хе-111.

Несмолкаемый гул в небе разбудил всех, и из своих палаток один за другим стали выползать мои товарищи по оружию. Одни с любопытством, другие озабоченно принялись спраши-

⁹ «Сморщенный немец» – появившееся в 1926 г. и получившее во время фашистской диктатуры в Германии пренебрежительное разговорное обозначение низкорослого немца, которое нередко применялось по отношению к Геббельсу из-за его косолапости и невысокого роста.

¹⁰ Роммель Эрвин Ойген Йоханнес (1891–1944) – немецкий генерал-фельдмаршал (с 1942 г.) и командующий войсками стран оси в Северной Африке. За умение разгадывать ловушки противника и умелые действия за ним закрепилось прозвище Лис Пустыни. После неудавшегося покушения на Гитлера один из заговорщиков назвал имя Роммеля, хотя непосредственного участия в заговоре он не принимал. Учитывая выдающиеся заслуги генерал-фельдмаршала, ему был предоставлен выбор между «народным трибуналом» и самоубийством. 14 октября 1944 г. Роммель был вынужден принять цианистый калий.

вать о том, что, собственно, произошло. Тем временем на открытом вездеходе командира роты на полную громкость включили радио, и послышался знакомый всем голос:

– ...Советский Союз постоянно наращивал свои войска на немецкой восточной границе... и в последние недели перешел к нескрываемым нарушениям государственной границы. Поэтому я принял решение вновь передать судьбу и будущее Германского рейха, а также нашего народа в руки немецких солдат!

– Все молчат, но наверняка подумали одно и то же. Это война с Россией, и она сахаром не будет, – озабоченно покачал головой командир нашего отделения унтер-офицер Рашак.

Теперь горькая и суровая действительность дошла до каждого – на востоке наши товарищи по оружию уже перешли государственную границу. И скоро очередь дойдет до нас. Через час вся наша рота была уже на марше.

Луцк, 26 июня 1941 года

«Шшш... бум, шшш... бум!» – разрыв следовал за разрывом. С юга, где за лесом стояла русская батарея, доносились выстрелы орудий. Снаряды со злобным шипением пронеслись над нашими головами и с адским грохотом беспорядочно вгрызались в мягкую кладбищенскую почву, разнося в клочья ограды и надгробные плиты. В воздухе летал град камней, осколков и комьев земли.

Я скорчился в свежеразвороченной могиле и крепко сжимал в руках свой пулемет MG-34, непроизвольно прижимаясь к земле при каждом разрыве. При этом мой стальной шлем всякий раз ударялся о каску моего второго стрелка, делавшего точно такие же движения мне навстречу. В короткие промежутки между разрывами мы поднимали головы, с побелевшими лицами, не произнося ни слова, смотрели друг на друга. Причем мой взгляд каждый раз почему-то упирался в огромный надгробный камень, испещренный древнееврейскими письменами.

Надо же было такому случиться, что свое боевое крещение мне пришлось принять именно на еврейском кладбище. Судя по всему, моему второму стрелку Антеку приходили в голову аналогичные мысли.

– Я, наверное, стал евреем, и мне суждено лежать на еврейском кладбище, – шептал он.

– Антек, дружище! – попытался я сбросить охватившее меня уныние. – Одно прямое попадание в эту могилу, и сам черт не разберет, кто здесь лежит!

По телу лежавшего рядом с нами старшего стрелка Пшибыльского пробежала дрожь, и было непонятно, то ли он озяб, то ли еще что. Тут совсем близко от нас разорвался снаряд, и меня тоже охватил озноб.

Антек некоторое время настороженно прислушивался, а потом изрек:

– Перестаньте трястись! У русских закончились снаряды!

С этими словами он вскарабкался на край могилы и застыл, словно изваяние.

Действительно, наступила полная тишина. Тогда я взгромоздил свой пулемет на земляной вал, подтянул к нему ящик с боеприпасами и уселся рядом со старшим стрелком.

Из-за надгробных камней, вылезая из воронок и покидая укрытия за остатками кладбищенской ограды, появились наши боевые товарищи из состава 1-го взвода. Для большинства из нас это был час прозрения. Впервые по нас стреляли, и мы в первый раз услышали, как на самом деле завывают пролетающие снаряды и свистят осколки. Это были не холостые патроны и хлопушки, как во время учений. Нет, все оказалось гораздо серьезней, чем мы предполагали. И действительность предстала перед нами во всем своем кровавом обличье.

Стреляные воробы, прошедшие военную кампанию во Франции и даже Польше, первыми пришли в себя от охватившего всех ужаса.

– Ну что, парни! – заорал унтер-офицер Блюменталь. – Небось полные штаны наложили? Не плачьте, сейчас придет ваша мамка и вас перепеленает!

Напряжение было снято, и со всех сторон слышались шутки. Через несколько минут только воронки от разрывов снарядов и разбитые надгробные камни напоминали о первом огневом крещении, которое мы приняли в России.

– Ну и дыра этот Луцк. И угораздило их послать нас именно на еврейское кладбище! – заявил Антек, который все еще не мог успокоиться.

– Ничего странного в этом нет, – решил я блеснуть своими школьными знаниями. – В Галиции половина городского населения – евреи.

Антек хотел было развить начатую тему, но тут раздался голос командира нашего отделения унтер-офицера Рашака:

– Хватайте свое барахло! Сбор взвода на дороге!

Едва мы покинули территорию кладбища и вышли на дорогу, как появились наши мотоциклы. Быстро загрузив в них оружие и боеприпасы, все расселись по своим местам, и взвод помчался в юго-восточном направлении мимо леса, за которым располагались огневые позиции русской батареи. Мы с подозрением косились на лесные заросли, но все было тихо и солдат противника не видно.

Дороги оказались отвратительными, сменяясь жалкими проселками. Поэтому с большой скоростью наши мотоциклы ехать не могли. Однако нам все же удавалось двигаться повзводно, и в конце концов мы продвинулись достаточно далеко.

– Мне кажется, что мы обогнали русских, – заметил водитель Рулл, огромная фигура которого заметно возвышалась над мотоциклом.

– Да, и сейчас они начнут стрелять нам в задницу, – бросил Антек, непроизвольно оглядываясь и всматриваясь, не появился ли сзади противник.

– Странная эта война, – подхватил я. – Просто дикость какая-то. Впереди лязгают гусеницами наши танки, а позади русские опять занимают оборону. При такой скорости продвижения наши пешкодралы за нами просто не успевают.

Впереди показалось какое-то село, улицы которого были усеяны людьми, приветливо махавшими нам руками.

– Посмотрите-ка на это! – вскричал Рулл. – В Луцке они глядели на нас исподлобья, а здесь приветствуют, как знаменитых киноактеров.

– Может быть, это немцы, которых мы освободили от русских. В этой местности проживает довольно много фольксдойче¹¹.

Колонна сделала короткую остановку, и к мотоциклам со всех сторон потянулись гражданские лица. Женщины застенчиво хватали солдат за рукава, а некоторые угощали нас молоком и хлебом. Мужчины же, в основном почтенного возраста, протягивали нам куриные яйца. Они безмерно, но не теряя достоинства радовались, когда взамен получали сигареты. К сожалению, братание продлилось недолго – вскоре мы двинулись дальше.

К концу дня на горизонте показался лес. До него оставалось не более тысячи метров, когда на опушке засверкали вспышки и раздалась звуки выстрелов.

– Боже! – объятый ужасом, вскричал я. – Смотрите! Ведь это – наша боевая разведывательная дозорная машина! Они подбили ее!

– Всем спешиться! – слышался перекрывающий шум боя энергичный голос нашего ротного гауптмана Кочиуса.

Мы схватили оружие, инвентарь и стремительно выпрыгнули из мотоциклов. Водители развернули машины и помчались в обратную сторону. Воцарилась полнейшая неразбериха,

---

¹¹ Фольксдойче – этнические немцы, которые по нацистской классификации лиц принадлежали к германской расе и проживали во многих странах Европы.

и вновь слышались выстрелы. Судя по звуку, стреляли даже зенитные орудия. В воздухе с визгом проносились снаряды и мины, которые разрывались вокруг нас.

– Рассредоточиться! – закричал ротный. – Первому взводу занять оборону по центру, второму – слева, третьему – справа! Пулеметному отделению – за ними!

Растянувшись в стрелковую цепь, рота стала приближаться к опушке леса. Вскоре вернулась из разведки вторая четырехколесная боевая разведывательная дозорная машина, которая подобрала оставшихся в живых солдат из экипажа первой, разместив их на своем борту. Машина остановилась, с нее спрыгнул молоденький лейтенант и подбежал к гауптману Кочиусу с докладом:

– Опушка леса занята противотанковыми пушками и пехотой. Предположительно с танками.

В этот момент из лесных зарослей выкатилось несколько вражеских танков. Немного проехав, они остановились и открыли огонь.

– Танки! Танки! – слышались со всех сторон тревожные крики.

Все мы испытали настоящий шок, и страшные мысли запульсировали в наших головах. Ведь для большинства из нас это была первая встреча со стальными колоссами, и мы еще не научились справляться с танкобоязнью. Даже самому отчаянному смельчаку необходимо было преодолеть ее хоть раз.

Всех охватила настоящая паника, наши ряды смешались, и большинство из нас обратилось в бегство. Поспешила, делая зигзаги, удалиться и боевая разведывательная дозорная машина (БРДМ), а русские танки открыли по ней бешеный огонь.

– Стоять! Ложись! Стрелять бронебойными боеприпасами! – напрасно кричали наши офицеры.

Их никто не слушал. Страх проник в наши души слишком глубоко, и ничто не могло остановить нас. Мы, спотыкаясь, драпали по пашне. Но тут подъехал открытый вездеход с прицепленной к нему противотанковой пушкой. Орудие быстро отцепили и молниеносно приготовили к стрельбе. Эта картина подействовала на нас как отрезвляющий душ, приведя всех в чувство.

– Вы же не станете удирать от этих движущихся дерьмовых коробок! – нашел, как всегда, нужные слова обер-фельдфебель Хильски.

Мы все как один развернулись и вновь пошли на врага. Наша противотанковая пушка открыла непрерывный огонь и заставила неприятельские танки отойти назад. Однако они продолжали стрелять. Им вторили вражеские противотанковые орудия.

– Роте окопаться! – прозвучал приказ.

Я принялся как сумасшедший орудовать саперной лопаткой. Под обстрелом танков и противотанковых орудий, а также при постоянно усиливавшемся артиллерийском и минометном огне рота постепенно вгрызалась в землю. На поле без движения остался только третий стрелок третьего отделения маленький Протт.

«Такой глубины хватит», – подумал я, положил свой пулемет на укрытие, зафиксировал сошки и прицелился. Совсем рядом с левой стороны от меня пристроился Пшибыльский.

– Сколько у тебя патронов, Антек? – спросил я второго стрелка.

– Два диска.

– Да, не так уж и много. Я установил всего один барабан с бронебойными пулями.

– Это вряд ли поможет.

– Кто знает. Может быть, русские танкисты лопнут от смеха и помрут от этого.

– Заткнись, черт бы тебя побрал! Ты можешь помолчать? – не на шутку разозлился Антек. – Все шутишь, а они нам сейчас задницу разорвут!

– Кажется, они как раз начинают это делать!

На опушке леса стало наблюдаться оживление. Появились фигуры солдат, одетых в униформу земляного цвета, и на нас стала надвигаться плотная цепь пехоты противника. Одновременно неприятель открыл по нас шквальный огонь и заставил спрятаться в окопах.

– Пехоту подпустить поближе! Без моей команды огонь не открывать! Установить прицел на отметку триста! – послышался голос лейтенанта Никеля.

Когда я, повинаясь приказу, устанавливал прицел на своем пулемете, у меня в животе внезапно возникло неприятное ощущение.

– Что с Проттом? – поинтересовался лейтенант Никель.

– Его только оглушило – осколок угодил прямо в каску, – успокоил лейтенанта унтер-офицер Блюменталь.

Тут я обратил внимание на то, что в пятидесяти метрах от меня кто-то коротко помахал мне рукой из своего окопа. Это был мой друг Таперт. Вскоре дал о себе знать и Эдгар Зыха. Я тоже подал им знак.

– Черт бы вас побрал! Не высовываться! – разозлился лейтенант Никель.

– Опять эти кандидаты в офицеры! – прорычал унтер-офицер Рашак.

Между тем русская пехота подходила все ближе и ближе. Уже можно было различить отдельные фигуры людей – офицеров, шагавших впереди своих солдат, комиссаров в их странных кожаных куртках и так называемых мужиков, тесно сбившихся в две одинаково плотные шеренги.

– Приготовиться! – раздалась предварительная команда.

Сердце в моей груди бешено забилося, а когда отсоединял барабан с бронебойными патронами и заряжал ленту с обычными боеприпасами, ладони покрылись липким потом. Я захлопнул крышку и произвел зарядку. Антек же пробежался пальцами по ленте и поправил отдельные патроны, придав им правильное положение.

– Огонь! – скомандовал лейтенант Никель.

Я крепче прижал приклад пулемета к плечу, установил переднюю опору в нужную позицию, навел прицел и нажал на спусковой крючок. То же самое одновременно проделали и другие семнадцать пулеметчиков роты. К этому добавился огонь взвода тяжелого оружия, который располагался позади нас. Ничто так не пугало русских, как неслыханная скорострельность пулемета MG-34. Они называли его «пила смерти»¹².

Воздействие близко расположенных друг к другу «огненных кос», начавших одновременно молотить по рядам солдат в униформе земляного цвета, было ужасающим и деморализующим. Атака противника немедленно захлебнулась, и пехота залегла. Затем неприятель начал отступать – сначала поодиночке, а потом и группами русские отходили на опушку под защиту лесного массива. Путь туда вскоре оказался усеянным коричневыми заплатками.

То ли для прикрытия отступавших, то ли для отмщения за понесенные потери из леса вновь выкатилось несколько легких русских танков, которые открыли по нашим позициям беглый огонь. От прямого попадания вражеского снаряда наше противотанковое орудие было уничтожено, но к тому времени нам удалось справиться с танкобоязнью – первые успехи в обороне придали всем мужества. Мы быстро перезарядили свои пулеметы, поставив барабаны с патронами с твердым сердечником, и прицелились.

Постепенно русские танки и очертания леса стали растворяться в вечерних сумерках, и вскоре на поле боя опустилась ночь. Стало совсем темно. Подкрепления мы так и не получили. Вместо этого до нас дошло известие, что русским удалось вернуть себе Луцк. К тому времени у нас насчитывалось уже двое убитых и множество раненых, которым оказывалась медицинская помощь.

«Интересно, что будет дальше?» – подумал я.

---

¹² Этот пулемет советские солдаты в основном называли «производителем вдов».

Ночь была тревожной – от мысли, что мы практически оказались в окружении, заснуть никто не мог. К тому же со стороны леса постоянно доносился шум моторов и лязганье танковых гусениц. Судя по всему, противник получил подкрепление, и ночные шумы воздействовали на наши нервы удручающе. Тем радостнее был момент, когда ранним утром к нам прибыла батарея легких полевых гаубиц, занявшая огневые позиции позади нас.

Светало, и мы с напряжением ожидали, что приготовил нам этот жуткий лес. И вот началось – появились танки. Было хорошо видно, как артиллерия противника занимает новые огневые позиции. Показалась и пехота. Однако тут, не дожидаясь, пока неприятель завершит построение исходного положения, открыли огонь наши гаубицы. Батарея насчитывала всего четыре орудия, но они стреляли как бешеные. Русские не успели опомниться, как потеряли множество танков и пушек. Это придало нам смелости, и мы, стрелки-мотоциклисты, с пулеметами в руках ринулись в атаку. Когда нам удалось очистить опушку леса от противника, неприятель отошел в лесную чащу. Этим не замедлила воспользоваться наша боевая группа, и мы, широко растянувшись по фронту, устремились на запад по никем не занятой территории. Иваны, конечно, стреляли из пушек нам вслед, но преследовать не решились.

Через два километра мы добрались до наших ремонтных мастерских и заняли круговую оборону. Вскоре пришла радостная весть – русских удалось выбить из Луцка. А потом поступило донесение от нашего передового отряда о том, что иваны, с которыми нам довелось сражаться несколько часов назад, отступили в восточном направлении. Таким образом, больше ничто не препятствовало нашему дальнейшему продвижению.

Ровно, 29 июня 1941 года

Это было замечательное и теплое воскресное утро. Ночь рота провела в садах на окраине Ровно. Унтер-офицер Рашак порадовал нас раздобытым где-то большим ящиком с литровыми банками сгущенного молока, и мы с удовольствием принялись его вкушать.

Внезапно послышались крики, топот и какое-то жужжание. Мы с удивлением переглянулись, а потом, дико размахивая руками, сломя голову ринулись прочь. Спасаясь от роя пчел, в бегство обратилась вся рота. Оказалось, что наиболее прожорливые из нас замыслили полакомиться медом и опрокинули пчелиные ульи. Естественно, ограбленные насекомые решили отомстить. Когда потревоженные пчелы успокоились и все вернулись на свои места, виновники выслушали все, что о них думают их пострадавшие от укусов товарищи.

После обеда состоялось полевое богослужение. Все мы приняли в нем активное участие, поскольку ПГП («противогреховные пушки», как назывались военные священники на солдатском жаргоне) обеих конфессий¹³ пользовались у нас большим уважением. Между прочим, позднее эти два священника вполне справедливо были награждены Железными крестами¹⁴.

Мы слушали проповедь, живописно расположившись вокруг священников, когда ее прервал прибывший на мотоцикле связной.

– Тревога! По машинам! – кричал он.

Все вскочили, но дивизионный священник остановил нас:

– Минуточку, солдаты! Для короткого молебна всегда есть время!

Мы хором прочитали «Отче наш», получили от священника благословение, бросились к нашим мотоциклам и вскоре уже мчались по улицам Ровно. Миновав город, рота выехала

---

¹³ Конфессия (*лат.* confessio – исповедание) – особенность вероисповедания в пределах определенного религиозного учения, а также объединение верующих, придерживающихся этого вероисповедания.

¹⁴ Железный крест (*нем.* Eisernes Kreuz) – самая почетная прусская и немецкая военная награда. Орден был учрежден Фридрихом-Вильгельмом III 10 марта 1813 г. за боевые отличия, проявленные в войне за освобождение Германии от Наполеона. Орден вручался всем категориям военнослужащих вне зависимости от ранга или сословия. Награждение орденом происходило последовательно от низшей степени к высшей.

на широкую бетонную магистраль и направилась на восток. Быстрый темп нашего движения говорил о том, что дело действительно срочное.

– Летим как на пожар! – вскричал Рулл, поправляя свои очки от пыли, сбившиеся от напора встречного воздушного потока.

Тем временем колонна свернула с магистрали на грунтовую дорогу и помчалась в южном направлении. Водителям пришлось приложить максимум умений, чтобы объезжать то и дело попадавшиеся ямы и рытвины.

Бешеная гонка продолжалась не менее трех часов, когда на дороге показался офицер-ординарец. Прозвучала команда «Стой!». Не успел офицер передать командиру роты новые указания, как весть о том, что противник большими силами атаковал южный фланг нашего ударного клина, мгновенно разнеслась среди нас. Стало также известно, что при этом пехотный полк понес немалые потери и был смят. Нашей роте предписывалось заткнуть образовавшуюся брешь как можно скорее.

Через пару километров показалась какая-то деревня и послышалась команда:

– Спешиться! Вытянуться в пехотную цепь!

Приказ был исполнен четко, как на учениях. Мотоциклы уехали, и стали слышны винтовочные выстрелы, а также стрекот русских пулеметов «Максим». К ним добавлялись резкие хлопки стрелявшей неприятельской 76-мм дивизионной пушки, но, может быть, это были и танки.

Наш взвод подошел к окраине деревни, и лейтенант Никель направился в нее по деревенской улице в сопровождении отделения Блюменталья, в то время как наше отделение под командованием унтер-офицера Рашака стало медленно продвигаться через дворы и огороды. Я сквозь зубы тихо матерился, поскольку перелезть с громоздким пулеметом через заборы и ограды было чертовски тяжело. Подобное «скалолазание» нас здорово задерживало, и вскоре отделение Блюменталья скрылось из виду. За одним из домов мы обнаружили несколько раненых товарищей из состава пехотного полка, которые без сил лежали на земле.

– Ну и пришлось нам побегать, ребята, – задыхаясь, проговорил старший ефрейтор с ранением легкого. – Русские задали нам настоящего перцу.

– А танки у них были? – поинтересовался Рашак.

– Да, и много. К счастью, они не смогли переправиться через речку.

– Вставайте! Чего расселись? Надо двигаться дальше! – крикнул нам Рашак.

Отделение двинулось вперед.

– На твоём месте при ранении в легкое я бы воздержался от курения, – на всякий случай предупредил старшего ефрейтора Рашак.

Мы продолжили продираться через лабиринты приусадебных садов. Между тем стрельба усилилась – звуки быстрых очередей МГ-34 становились все слышнее. Судя по всему, Блюменталь уже вступил в бой. Тут, на бегу дико размахивая руками, прямо на нас выскочил лейтенант Никель и закричал:

– Где вас черти носят? Там ваши товарищи истекают кровью, а вы шляетесь невесть где! Унтер-офицер Блюменталь погиб!

Только тогда я увидел, что по щекам лейтенанта бегут слезы. Все знали, что они были близкими друзьями, да и мы любили его.

Несмотря на огонь неприятеля, наше отделение без всяких дальнейших приказаний устремилось на врага. Словно во сне мы видели, как по обе стороны от нас задвигались фигуры в серой униформе, изготавливаясь к атаке.

Послышалось громкое «Ура!», мы тоже закричали и бросились неприятелю навстречу, стреляя с бедра. Все происходило как в тумане – на наших глазах русские стали вылезать из своих окопов и бросаться наутек, падая, сраженные нашими ружейными выстрелами и пулеметными очередями. Некоторые попытались утащить с собой пулемет «Максим» на колесах,

но когда один из них упал прямо на пулемет, то остальные, бросив оружие, кинулись прочь. Однако сильный ружейный огонь противника не ослабевал.

«Откуда они стреляют?» – удивился я и тут же понял – с верхушек деревьев. Тогда мы с другим пулеметчиком нашего отделения Хоманом бросились на землю и принялись строчить по кронам. Вскоре выстрелы противника прекратились.

Но тут с другого берега реки открыла огонь танковая пушка, и ее снаряд угодил в ближайший дом. Внезапно раздались выстрелы и нашей противотанковой пушки. Не успел я подумать о том, что ей удалось подойти неожиданно быстро, как ее меткий выстрел поразил вражеский танк, и его объяло пламя.

Он продолжал гореть и два часа спустя, когда мы заняли окопы русских, которые создали здесь свой плацдарм. Темнело. В отблесках пламени горевшего танка можно было видеть действия противника, окапывавшегося по другую сторону реки. Однако в этом им сильно мешал наш беспокоящий огонь.

Ночь была отвратительной, ведь нам пришлось провести ее на речном берегу в окопах вместе с убитыми русскими. Позади нас полыхали отдельные деревенские дома, создавая впечатление, что мы окружены призраками. Вдобавок пошел дождь, который лил не переставая. В общем, было не до сна.

На рассвете на надувных лодках приплыли солдаты пехотного полка и под прикрытием нашего огня переправились через реку. Они с ходу опрокинули русских, а мы отошли в деревню.

Однако уже вечером нам пришлось покинуть деревню и в нескольких километрах восточнее ее отрыть позиции на передних скатах, чтобы обеспечить фланги нашей ударной группы, голова которой находилась возле линии Сталина¹⁵.

Улашановка, 8 июля 1941 года

– Дружище! Сколько еще продлится эта непрерывная езда? – в сердцах крикнул я своему водителю. – Целую неделю мы топтались на одном месте, а теперь, по-видимому, нам предстоит выиграть войну за один день!

Ефрейтор Рулл повернул ко мне залепленную грязью голову, выплюнул пыль, скопившуюся у него во рту, и ухмыльнулся. Его белые зубы блеснули на фоне потемневшего лица.

– Ты развалился в коляске, словно принцесса на горошине. Небось мозоль на заднице натер? – заметил он.

– Тебе хорошо рассуждать, Этте, – пожаловался я. – Вы, водители, восседаете в мягком мотоциклетном седле, как в бабушкином кресле, а моя коляска забита барахлом до отказа. Естественно, что я отбил себе все, что можно. Надо сказать, чтобы вечером санитар наложил пластырь на мою задницу.

– Надо же, у нашего кандидата в офицеры зад стал как у павиана. Послушай, а может, у тебя геморрой? – заметил сидевший сзади водителя второй стрелок Антек.

– Геморрой? – переспросил слабо разбирающийся в медицине Рулл. – Это что-то съедобное?

– Мысли Этте, как всегда, заняты жратвой, – хмыкнул я.

– С продовольственным обеспечением творится что-то невообразимое! Три ломтика сухих ржаных хлебцев на весь день! – посетовал Рулл, отличавшийся исполинским телосложением и весивший около двух центнеров. – Мой желудок сморщился, словно чернослив.

---

¹⁵ Линия Сталина – оборонительная линия в СССР, представлявшая собой систему узловых оборонительных сооружений на границе СССР до 1939 г. Она состояла из укрепрайонов от Карельского перешейка до берегов Черного моря. В Советском Союзе так официально никогда не называлась.

– Смотри, как бы у тебя голова не сморщилась и ее не выставили напоказ на ярмарке, – бросил Антек.

– Оставь фантазии «сморщенному немцу»! – огрызнулся Этте. – В Верхней Силезии, разлюбезный мой Антон, я и со сморщенной головой буду выглядеть писанным красавцем.

– Вам хорошо трепаться, сидя в мягких седлах, – в сердцах заметил я, упершись в запасное колесо и с ожесточением уставившись на дорогу.

Впереди нас ехал мотоцикл командира отделения, сзади – мотоцикл со вторым пулеметом, а позади него следовал четвертый и последний мотоцикл командира нашей группы, составлявшей половину отделения. В тот день отделение унтер-офицера Рашака являлось головным в колонне батальона. Правда, это не совсем соответствовало действительности, так как далеко впереди шли еще две боевые разведывательные дозорные машины. В целом же между Ровно и Житомиром в восточном направлении продвигалась целая танковая группа Клейста с задачей выйти к Киеву.

Внезапно первый мотоцикл остановился, затормозили и остальные.

– Боевые разведывательные дозорные машины возвращаются! Впереди что-то происходит! – закричал унтер-офицер Рашак.

Тут на огромной скорости примчались обе восьмиколесные машины и остановились возле начальника колонны, доложив, что впереди около большого населенного пункта обнаружены крупные силы противника с танками.

– Продвигаться на максимальной скорости! Не теряя темпа, смять неприятеля и взять населенный пункт! Бронебойщики – вперед! – последовал новый приказ.

Когда две противотанковые пушки, прицепленные к открытым вездеходам, присоединились к головному взводу, события начали набирать обороты. Большая скорость продвижения привела к появлению гигантского пылевого облака, и если противник нас и обнаружил, то определить, какие силы на него надвигались, он не мог.

Я установил свой пулемет на подвижную опору в носовой части коляски, чтобы вести огонь непосредственно с мотоцикла, а БРДМ выехали на поле и стали сопровождать наш авангард. Показались первые дома. Не снижая скорости, мы устремились к ним. Теперь все зависело от эффекта внезапности.

Какая-то женщина, видимо приняв нас сначала за своих, от удивления всплеснула руками. Тут из дома вышли два солдата и, увидев нас, от испуга бросились было наутек, но потом остановились и подняли руки. Следовавшие за нами подразделения наверняка определили их куда следует. Пока не прозвучало ни единого выстрела. Затем между домами показался проем, а потом начался собственно сам населенный пункт. В нем действительно маршировала большая группа русских солдат, по-видимому новобранцев, занимавшаяся строевой подготовкой.

– Раз-два! Раз-два! – громко считал русский сержант, пытаясь заставить колонну идти в ногу.

Однако стоило нам промчаться мимо них, как послушно шагавшая группа в мгновение ока превратилась в стадо диких баранов. Объятые ужасом, они бросились прямо под колеса остановившихся БРДМ и подняли руки. Для них война закончилась, так и не начавшись.

Но задерживаться было нельзя, и мы двинулись дальше. Перед нами открылась большая площадь с традиционной для русских населенных пунктов статуей Ленина. Тут раздались первые выстрелы – в одном из домов занял позицию расчет пулемета «Максим».

– Возьмите его на себя! – скомандовал Рашак экипажу нашего мотоцикла.

Рулл выехал из колонны и нажал на тормоз. Едва мотоцикл остановился, я уселся поудобнее, прицелился и нажал на спусковой крючок. Очередью вражеский пулемет отшвырнуло в сторону, и мы бросились вслед за нашей группой.

– Догоняй! – крикнул я Руллу.

Проезжая по улице, мы видели, как солдаты, одетые в серую униформу, стали исчезать за домами. Возможно, они хотели выйти из населенного пункта и собраться в зарослях кустарника за его пределами. Но это у них вряд ли получилось бы, так как следовавшие за нами роты перед ним разделились и двинулись по двум направлениям, чтобы взять его в клещи. Получалось, что иваны поспешали прямо к ним в руки.

Вскоре мы достигли последних домов, в нескольких сотнях метров от которых стояло два танка. Они немедленно открыли огонь по БРДМ, появившимся вместе с нами в проемах между зданиями. Тут подоспели наши противотанковые пушки. Их расчеты действовали чертовски быстро – орудия были молниеносно сняты с передка, развернуты и приготовлены к стрельбе.

Прозвучал выстрел, за ним последовал второй, и один из танков задымился. Его экипаж начал выбираться наружу, а другой танк быстро стал уходить в сторону ручья.

– Отделение! Спешиться! Очистить поле до ручья! – поступил приказ.

Унтер-офицер Рашак развернул отделение в цепь, и мы стали приближаться к подбитому танку. Я прошел мимо убитого русского, завернул вместе со своим командиром за танк, и тут внезапно началась дикая пальба.

– Осторожно! Под танком кто-то лежит! – крикнул один из солдат нашего отделения, находившегося еще по другую сторону дымящейся машины.

Быстро направив дуло пулемета вниз, я попытался выпустить очередь под днище танка. Однако из этого ничего не вышло – мы стояли слишком близко. Тут что-то сильно ударило меня по ноге. Ощущение было такое, как будто били молотком. Я упал.

«Проклятье! Иваны ранили меня в ногу!» – пронеслась мысль.

Меня охватила ярость, и я, уже лежа на земле, направил пулемет под танк, а затем выпустил длинную очередь в том направлении, где заметил дульные вспышки. Это, похоже, подействовало – стрельба прекратилась.

Тогда, опираясь на пулемет, я со стоном поднялся и увидел на сапоге два отверстия – судя по всему, пуля прошла навывлет, но кровь из голенища едва сочилась. Заметив это, Рашак подозвал проходивший мимо открытый вездеход, а затем помог мне в него взгромоздиться. Уже лежа в машине, отвозившей меня на перевязочный пункт, я наблюдал, как мое отделение спускалось к ручью.

Госпиталь в Люблине, 24 июля 1941 года

«Дорогие мама и папа!

Из житомирского госпиталя я уже написал вам о своем ранении и о том, что произошло со мной до этого. Остается только надеяться, что мое письмо дошло до вас и избавило от ненужных забот в эти насыщенные событиями недели.

Теперь мне захотелось рассказать о пережитом мною после ранения. Его я воспринял не так спокойно, как могло показаться. Почему-то принято считать, что при возвращении в строй после лечения с солдатом уже ничего не может произойти. Как бы не так! Совсем наоборот! Получив ранение, я впервые оказался в положении, когда не на шутку испугался.

Изложу все по порядку. После того как меня ранили, мы переночевали в том же населенном пункте, который только что взяли. Я впервые за долгое время спал на удобных носилках, приняв изрядную порцию снотворного – меня и еще одного раненого навестил фельдфебель из пятой роты и угостил вином. На другой день нас перегрузили в санитарную машину и отправили в обоз. Нашим войскам пришлось сражаться в окружении, так как русским удалось создать новую оборонительную линию в нашем тылу и занять ее крупными силами. Несколько дней сквозь них не могла проскочить даже мышь. С ума можно сойти от такой войны!

Несмотря на ужасную качку, я проспал до обеда как убитый – сказался длительный недосып. Однако пробуждение оказалось не из приятных.

Параллельно автостраде, по которой мы двигались, выехали два танковых взвода, русских конечно, и принялись плеваться своими снарядами по нашему обозу. Когда ты лежишь в поле под огнем артиллерии противника, это не очень приятно, но там, по крайней мере, можно найти укрытие. И даже если оно совсем крошечное, все равно чувствуешь себя защищенным – ты думаешь, что снаряд в тебя не попадет. Другое дело – находиться запертым в клетке и не иметь возможности выбраться наружу и убежать. Ведь захлопывающиеся двери в санитарной машине изнутри открыть невозможно. Вы можете только представить, что чувствует запертый там раненый солдат, глядя через узенькое окошко кузова на стреляющий из всех орудий танковый взвод и лежащиеся рядом разрывы снарядов. Это было уже слишком!

Прямо в грузовик позади нас угодил вражеский снаряд, и осколки пробили стенки нашего санитарного автомобиля. Тем временем санитары залегли в придорожной канаве, в страхе позабыв обо всем. Им и в голову не пришло нас выпустить. Слава богу, что вскоре подоспели наши танки и открыли по русским огонь, заставив убраться восвояси.

После этого санитарную машину под завязку загрузили тяжелоранеными, и мы направились на дивизионный медицинский пункт, развернутый неподалеку от Житомира, недавно взятый нами внезапным ударом. Там мне стало гораздо лучше. Население, среди которого было немало фольксдойче, снабдило нас в большом количестве куриными яйцами и молоком. Поскольку мне разрешалось сидеть, то меня назначили учетчиком. Естественно, я не забыл про себя, припрятав минимум пятнадцать яиц.

Вечером нас перевели в новый дивизионный медицинский пункт уже в самом Житомире. Здесь меня поместили вместе с двадцатью двумя ранеными товарищами в комнате ужасного вида кирпичного дома. Матрацы были набиты тонкой древесной стружкой и лежали прямо на полу. Единственным развлечением являлись обеды, а наше настроение служило мерилом качества их приготовления. Имелся и граммофон, на котором мы постоянно крутили пластинку с мировым шлягером и столь любимой мною песней «Материк». Правда, через десять дней она мне настолько осточертела, что я уже едва переносил ее.

Именно столько времени мы провели в Житомире. А потом нас погрузили на грузовики и отправили в глубокий тыл – к тому времени вся территория за спиной наших войск была очищена от частей противника. На санитарном поезде мы прибыли в Люблин. Собственно, он направлялся в Бреслау¹⁶, но поскольку мои раны уже стали подживать, то мне разрешили выйти в Люблине и здесь дожидаться окончательного выздоровления. По правилам, если раненый пребывал в госпитале более трех недель, то его направляли в запасную воинскую часть, а этого я не хотел допустить ни в коем случае.

Вчера мне впервые разрешили выйти в город, и в кинотеатре я посмотрел «Вохеншау»¹⁷. Если вы видели этот выпуск, то получили лишь слабое представление о неприятеле, его методах ведения боя и о наших успехах. Русские, бесспорно, являются самым упорным противником, с которым нам, немцам, до сих пор приходилось сталкиваться. Поэтому на фронте на счету каждый солдат, и я рад, что мне выпала честь, пусть в качестве маленького винтика, вновь участвовать в судьбоносной борьбе немецкого народа.

Будьте там, на родине, сильными. И если, возможно, все пойдет не так быстро, как бы хотелось, все равно русских мы победим.

С наилучшими пожеланиями,
ваш *Гельмут*».

После десятидневной одиссеи я благополучно вернулся в свою роту. К тому времени первый взвод понес большие потери – на плацдарме возле перевоза под Ирпенем (недалеко от

---

¹⁶ Ныне польский город Вроцлав.

¹⁷ «Вохеншау» – немецкий пропагандистский киножурнал времен Второй мировой войны, выпускавшийся в 1940–1945 гг.

Киева) русские на рассвете внезапно атаковали его позиции, и несколько моих старых боевых друзей были заколоты штыками в своем блиндаже. Мой же второй пулеметчик старший стрелок Пшибыльский попал в плен. Возможно, русские оставили его в живых потому, что, как уроженец Верхней Силезии, он смог с ними объясниться. Позднее ему удалось сбежать, и его вновь определили ко мне вторым стрелком.

Рулл тоже остался в моем экипаже, и, таким образом, мы снова были вместе. А вот моим новым командиром отделения стал унтер-офицер Пфайфер, которого я не очень любил. Радовало только, что мой друг Таперт был рядом, а кроме него на месте остался и бывший учитель танцев из Стендаля Винклер, здоровенный парень, командовавший нашей половиной отделения. Мы входили в состав второго взвода, командиром которого являлся ненавистник кандидатов в офицеры обер-фельдфебель Хильски, тоже не относившийся к числу моих друзей.

Стрелки-мотоциклисты, вперед!

В районе города Кременчуг, 10 августа 1941 года

Унтер-офицер Пфайфер рывком открыл дверь в нашу избу и с порога заорал:

– Марш на улицу, недоноски! Сегодня вам придется потрудиться, чтобы заслужить свои ржаные хлебцы!

На некоторое время в душном помещении воцарилась суматоха, как в муравейнике, а потом отделение с оружием выскочило на улицу. Командир отделения поманил к себе пулеметчиков, командиров обеих групп, в каждую из которых входило по три мотоциклетных расчета, и принялся водить былинкой по своей потрепанной карте. Это была трофейная русская карта с надписями на кириллице. Пфайфер что-то искал на ней, но явно не мог найти.

– Где же это проклятое село? – наконец в ярости вскричал он.

– А где оно должно располагаться?

Тут ефрейтор Винклер ткнул пальцем в карту:

– Похоже, это то, что мы ищем. Однако далековато – целых пятьдесят километров!

– Какими силами располагает боевая группа? – поинтересовался Таперт.

– О какой боевой группе ты мелешь? У тебя мозги размякли? – раздраженно рявкнул Пфайфер. – Нам предстоит произвести там разведку!

– Вот те раз! – посетовал я. – Видимо, нашему отделению придется завоевывать Россию в одиночку.

– Что? Снова в штаны наложили? – кичливо, но на сей раз не слишком заносчиво съязвил Пфайфер. – Лучше пометьте себе маршрут на случай, если какой-либо мотоцикл заглохнет.

Мы с трудом записали названия сел, лежавших на пути к нашей цели, и через полчаса были уже в пути. Первые две деревни наш отряд проследовал, не останавливаясь, поскольку было известно, что противника в них нет. Мы ехали по проселочной дороге довольно медленно, но от поднявшейся из-под колес пыли нечем было дышать. Вдобавок нещадно палило солнце, усиливая наши мучения. Поэтому время от времени нам приходилось делать длительные остановки, чтобы дать пыли осесть и сориентироваться.

Наступил полдень, а мы все еще следовали вдоль бескрайнего поля с подсолнечником, вымахавшим в человеческий рост и закрывавшим обзор. Становилось довольно жутко, поскольку в таких зарослях могла спрятаться не одна дивизия. Однако все было тихо.

Наконец головной мотоцикл достиг края поля с подсолнечником и остановился – впереди в нескольких сотнях метров просматривались избы какого-то небольшого села. Пфайфер достал свой бинокль и долго всматривался в него, изучая один дом за другим.

– Никакого движения, – через некоторое время изрек он. – Будем надеяться, что иваны не подстроили нам ловушку в этом захолустье. Поехали дальше.

– А не стоит ли нам применить старый гусарский трюк? – предложил Винклер.

– Что еще за трюк? – хмуро уточнил Пфайфер, пребывавший в дурном расположении духа, поскольку задание ему нравилось все меньше и меньше.

– Когда гусары во время разведывательного рейда предполагали, что неприятель приготовил западню, то высылали вперед одиночного всадника, который медленно приближался к подозрительному объекту. Остальные же находились в готовности прикрыть его огнем. Непосредственно перед целью всадник останавливался, коротко наблюдал и внезапно на полном скаку бросался назад.

– И в чем здесь изюминка?

– Неужели непонятно? Если неприятель действительно устраивал ловушку, то при таком маневре дозорного начинал думать, что обнаружен, и открывал огонь.

– Гм, в этом что-то есть! – одобрительно буркнул Пфайфер. – Но кто пойдет?

– Предоставьте это мне, – усмехнулся Винклер. – Только попрошу обеспечить надежное огневое прикрытие.

Мы с Тапертом заняли с пулеметами огневые позиции справа и слева от дороги, и Винклер, ссадив заднего седока Мака, вместе со своим водителем поехал к селу. Мотоцикл медленно приблизился к домам и метрах в двухстах от первого из них притормозил. Нам хорошо было видно, как Винклер поднес к глазам бинокль. Внезапно водитель прямо с места развернул свою машину так, что коляска подпрыгнула, и с огромной скоростью помчался прочь. Однако в селе никакого движения не последовало. Тогда мотоцикл снова развернулся, быстро въехал в деревню и исчез за домами. Но все было по-прежнему тихо.

Мы расселись по мотоциклам и направились к деревне, где на небольшой площади стояла неизменная для русских населенных пунктов гипсовая статуя Ленина. Здесь отделение остановилось, чтобы сгруппироваться.

– И как вам мой маневр? – поинтересовался Винклер, явно напрашиваясь на похвалу. – Не правда ли, здорово получилось?

– Да, здорово, правда, при условии отсутствия противника, – холодно отозвался Пфайфер, но потом смягчился и добавил: – Однако стоит признать, что гусарский метод действительно хорош. Думаю, что ничего плохого не случится, если при случае мы станем его использовать и в будущем.

Такое заявление, прозвучавшее из его уст, являлось настоящей похвалой.

В это время Антек, постоянно занимавшийся поисками съестного, открыл люк погреба, вырытого прямо в земле. Внезапно он отпрянул назад и сорвал с плеча свой карабин. Из погреба показалась чье-то помятое бородастое лицо.

– Никст зольдат, – с жалким подобием улыбки на ломаном немецком испуганно проблеял вылезший на божий свет с поднятыми руками крестьянин.

Антек попытался заговорить с ним по-русски, на котором бородач, по всей видимости, говорил лучше, чем на немецком. Украинец затряс головой, указал рукой вниз, а затем на цепь холмов, непрерывно что-то лопоча. Тем временем из погреба показали другие люди. Это были женщины и совсем молоденькие девушки, которые с любопытством уставились на нас.

– Похоже, под землей расположилась целая семейка, – удивленно заметил Таперт.

– Какие прелестные юные создания, – подметил Мак.

– Этот человек является другом немцев, – обратился к Пфайферу Антек. – Он уверяет, что в деревне только гражданские, а русские ушли за холмы еще рано утром.

– Именно там и должно находиться искомое нами село, – наморщил лоб Пфайфер.

Он помолчал немного и добавил:

– Как говорится, доверяй, но проверяй. Нольте! Осмотри подвал! Нет ли там солдат? Вайзе и Таперт! Обшарьте дома!

Солдаты повиновались, а когда Нольте, миновав женщин, начал спускаться по лестнице в подвал, Мак неожиданно вызвался ему помочь:

– Пойду-ка я с ним, мало ли что.

– Ты останешься здесь! Только и знаешь, что хвост перед девицами распускать!

Мак пожал плечами, но не упустил случая и подмигнул девушкам, которые дружно захихикали. Через пару минут выяснилось, что крестьянин сказал правду, и Антек угостил его сигаретой. Тот, не теряя достоинства, принял подарок с большой радостью. Вскоре наша разведывательная группа отправилась дальше.

Мы не проехали и нескольких сотен метров, как вновь начались бескрайние поля с подсолнечником, чьи стебли упрямо тянулись к небу. Командир отделения приказал остановиться

и принялся совещаться с Винклером, который яростно ему возражал. Наконец Пфайфер раздраженно оборвал диспут и резко произнес:

– Ерунда все это! Сделаем так, как я сказал. Мотоциклы оставим здесь, а сами, держась левее, на холмы пойдем пешком. Оттуда это захолустье должно хорошо просматриваться. Вот мы и посмотрим, где находятся русские. Есть вопросы?

– Что нам делать, если на дороге появятся русские? – спросил Рулл.

– В зависимости от обстановки это будет решать Фогт, – возложил на обер-ефрейтора ответственность за оставляемые мотоциклы и водителей Пфайфер.

Фогт нерадостно посмотрел на нас, проглотил подступивший к горлу комок и решительно скомандовал:

– Развернуть мотоциклы! Обеспечить круговую охрану! Разведывательная группа взяла оружие и гуськом последовала за командиром отделения в заросли подсолнечника. Перед тем как углубиться в поле, Винклер обернулся и грозно проговорил, обращаясь к Фогту:

– Берегись, если мы вернемся, а вы тут дров наломаете!

Продвигаться вперед пришлось как в первобытном лесу, и если бы не солнце, то отряд потерял бы ориентировку. Подсолнухи вымахали выше человеческого роста и, несмотря на то что росли они не так уж и плотно, идти в них скоро стало чрезвычайно трудно. Пфайфер шел впереди и при необходимости ломал своими короткими, но сильными ногами стволы гигантских растений, попадавших на его пути. Впереди то и дело слышался треск и шуршание падающих подсолнухов.

Я перебросил переносной ремень пулемета через плечо и придерживал его обеими руками, прижав приклад к правому боку. В таком положении он всегда был готов к стрельбе, хотя на это уходило много сил. Позади меня шагали Антек и Мак, затем следовал второй пулеметный расчет, а замыкающим шел Винклер.

Прошло не более десяти минут, когда Пфайфер объявил короткий привал, и каждый из нас присел на землю там, где стоял. Я положил пулемет и растер затекшую шею, которая начала причинять мне чувствительную боль. Кругом стояла удивительная тишина, нарушаемая только жужжанием насекомых – подсолнухи поглощали почти все звуки. Не успели мы выкурить по сигарете, как командир разведывательной группы скомандовал:

– Приготовиться к движению!

Мы построились, и Пфайфер добавил:

– Скоро достигнем вершины. Будьте внимательны! Группа двинулась дальше в прежнем порядке, и я, уставившись на ствол пулемета, сконцентрировался на том, чтобы не зацепиться им за растения.

Дальнейшие события явились для нас полной неожиданностью – Пфайфер внезапно остановился и издал сдавленный возглас удивления. Не ожидая такого, я наткнулся на него. От этого командир отделения непроизвольно сделал еще один шаг вперед. Я тоже, так как сзади меня толкнул Антек. В следующее мгновение мы оказались на открытом месте, выйдя на полевую дорогу, и остолбенели от увиденного.

Слева и справа от нас находилось множество русских солдат. Кто-то из них лежал на спине, а кто-то на боку. Одни спали, другие курили, третьи перекусывали. Свои винтовки они составили в пирамиды. Все это я зафиксировал в одно мгновение и чисто автоматически повернул вниз флажок предохранителя пулемета. Как бесконечно долго порой длятся секунды! В течение всего лишь одной из них можно прокрутить в голове прошедшие события, составить и отвергнуть планы на будущее, а также отважиться на что-то очень важное. Главное, что при этом есть только одно правильное решение!

Пфайфер тоже успел оценить обстановку, и мы оба одновременно крикнули: «Назад!»

Я нажал на спусковой крючок своего пулемета и дал короткую очередь сначала в левую сторону, а потом, продолжая стрелять, повернулся в правую. После этого мне ничего не оставалось, как ринуться в поле с подсолнухами и бежать вслед за своим отделением.

Миг оцепенения у русских, похоже, затянулся, но потом послышался рокот отдаваемых приказов, и раздались хлопки одиночных выстрелов. Я старался бежать изо всех сил, насколько это позволяли подсолнухи, перекладывая пулемет то в левую, то в правую руку. Впереди различался топот и тяжелое дыхание моих товарищей, а также треск ломавшихся стеблей. Однако вскоре точно такие же звуки появились и сзади. Слава богу, что они были достаточно далеко. Тяжелый пулемет оттягивал мне руки, и дыхание начало сбиваться.

«Боже, как еще далеко до оставленных нами мотоциклов!» – невольно мысленно воскликнул я.

Мне стало казаться, что расстояние до них увеличилось, особенно после того как споткнулся о ящик с боеприпасами, который, видимо, уронил мой второй стрелок.

Тогда меня стала преследовать мысль о том, что и мне стоит бросить пулемет. Хорошо, что в этот момент из зарослей подсолнухов появилась голова Мака.

– Ты чего отстаешь, дружище? Давай сюда свою тарактелку! Я подсоблю! – с этими словами Мак схватил пулемет за ствол, а я – за приклад. Стало гораздо легче.

«Бравый Мак, никогда тебе этого не забуду», – подумал я, собирая в кулак все свое мужество и последние силы.

Это сделать было действительно необходимо, так как треск и топот, а также крики и стрельба по широкому фронту становились все ближе и ближе. Сзади неприятно щелкали выстрелы, а над головами свистели пули. Наконец впереди послышался шум моторов – мотоциклы должны были быть совсем близко. Подъехала одна машина, за ней другая.

«Они же без нас не уедут!» – забила мысль в голове, придав новые силы.

И вот мы на дороге. Я увидел, как за поворотом скрылись два мотоцикла, а в тридцати метрах от меня набирал скорость третий мотоцикл с Пфайфером и Пшибыльским. Стоял на месте только бравый Рулл. Заметив нас с Маком, он стал приближаться. При этом от страха крупные капли пота стекали по его покрытому пылью лицу, оставляя глубокие борозды, а сам он издавал какие-то нечленораздельные звуки. Я с пулеметом нырнул в коляску, Мак прыгнул на заднее сиденье, сильный мотор взревел, и мотоцикл рванул с места, унося нас прочь.

В тот же самый миг из подсолнухов вынырнули серые фигуры солдат, которые открыли ураганный огонь. Рулл буквально лег на руль, Мак на него, а я постарался максимально съездить в коляске.

«Пэнг», «пэнг» – с таким звуком впиивались пули в коляску, но ее большая загруженность багажом служила от них хорошей защитой. Тут послышался мягкий всплеск, и Мак застонал. Тогда на повороте Рулл резко повернул мотоцикл влево, и мы оказались в безопасной зоне, продолжая мчаться на максимальной скорости.

Мак закачался, и я, вытянувшись в коляске, крепко обхватил его руками, не давая упасть. Так мы и мчались еще минут пять, пока не въехали в уже знакомое село, где возле гипсовой статуи Ленина нас поджидали другие экипажи мотоциклов.

Рулл затормозил, подняв в воздух тучу пыли. Когда мы сняли Мака с заднего сиденья, он был уже мертв.

Возле Днепра, 12 августа 1941 года

Мотоциклы разведгруппы Пфайфера заехали на противоположный склон холма, и мы заняли круговую оборону. Сам командир отделения стоял метрах в пятидесяти от нас на вершине песчаного холма и, приложив к глазам бинокль, внимательно всматривался в бескрайние дали украинского ландшафта.

– Скоро должен показаться Днепр! – крикнул мне Вилли Таперт.

– Пожалуй, ты прав. Вчера наши войска вновь продвинулись на приличное расстояние в восточном направлении, и река действительно должна находиться где-то поблизости.

– Черт! – жалобно воскликнул Пшибыльский. – Днепр очень широкий, а я не умею плавать.

– Не бойся! Ты можешь оставаться сидеть на своем мотоцикле, – поддразнил его Эtte Рулл. – Мы смонтируем обратный клапан на выхлопной трубе, как на танках, оборудованных для подводного вождения, и поедем прямо по реке.

– А как же я буду дышать?

– Придется задержать дыхание!

Общий треп внезапно оборвался – послышался звук, как будто кто-то полоскал горло, превратившийся в страшный вой, и метрах в двухстах позади нас разорвался снаряд. Мы на своих мотоциклах непроизвольно съжились, и тут прибежал Пфайфер.

– Проклятье! – выругался Винклер. – Он прилетел с тыла! Неужели русские обошли нас, или это стреляла наша артиллерия?

Не успел прибежавший унтер-офицер перевести дыхание, как вновь послышался тот же ужасный звук, и снаряд разорвался как раз в том месте, где он стоял несколько секунд тому назад.

– Рассредоточиться! – закричал Пфайфер. – Они взяли нас в артиллерийскую вилку и сейчас накроют!

Буквально через секунду склон опустел, и только облако пыли указывало на то место, где недавно располагалась наша разведгруппа.

Через час мы достигли цели нашей разведки – гряды холмов, у подножия которых Пфайфер приказал спешиться.

– Я медленно поеду наверх, а пулеметчики будут в пешем порядке сопровождать меня справа и слева от дороги.

– Он так ничему и не научился, – буркнул Таперт. – Опять это ребячество. Впору соску давать.

Мы сняли пулеметы с колясок и пошли. Таперт шел слева, а я справа метрах в десяти впереди, придерживаясь придорожной канавы. Наши вторые и третьи стрелки следовали за нами, соблюдая положенную дистанцию. Остальные три мотоциклетных расчета во главе с Винклером Пфайфер оставил у подножия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.